

1

---

*Полудикие горные кони пахнут раздавленной травой
и аптекой.*

*Перегретая солнцем пихта пахнет малиновым вареньем.
Когда Панночка появился в «Кайчи», по его щекам
текли слезы.*

Санька тогда как раз согнал меринов с сивера. Спрыгнул с коня, чтобы открыть пригон, в последний момент вспомнил, поджал правую ногу, но опоздал. Земля ударила по пятке, и от боли в лодыжке потемнело в глазах. Он тихонько взвыл, зажмурился; под веками поплыли пронзительные синие пятна

(взбесившаяся тьма летит в лицо смертельное черное бешенство тьма несется в лицо и вокруг)

— У-у-у, из-за тебя все, пропастины, — просипел он, поднес кулак к носу Бобика, и тот нервно вздернул голову, натягивая повод. Бобик был его собственный — еще короткий телом гнедыш со складочками на собранной шее. Совсем молодой — и четырех нет, но уже набравший силу и шустрый, по-настоящему шустрый. Всяко шустрее Генчикова чалого. И как будто Санька не знал, что́ будет, когда это говорил, — или правда не знал? Мало ли что скажешь, когда бухой.

Ну, давай проверим, сказал тогда Генчик. Ну и проверим, ответил Санька, тяжело мотая головой. Вот завтра и проверим. Очень хотелось лечь, но его кровать стояла слишком далеко от заставленного стаканами и закусью стола. Нет, сейчас, сказал Генчик и вскочил. Он вдруг сделался очень веселым. Заразительно веселым

(не надо не хочу)

Санька встал с широкой улыбкой, которая появилась сама по себе. Бросьте, сказал кто-то из пацанов, где вы их сейчас потемну искать будете, и он — успокоенный и самую капельку разочарованный — уже собирался сесть

(не хочу не надо этой дури)

но Генчик сказал: так они на поляне на веревках оба, они с базинскими меринами не ходят.

Кто-то налил. Потом как-то сразу оказалось, что они с Генчиком уже седлаются. Аркадьевна, больше обычного похожая на тощую взъерошенную сову, орала дурниной, размахивая зажатými в руке очками

(может остановит ну пожалуйста не разреши)

но Генчик сказал: на личном коне в нерабочее время имеем право. Аркадьевна махнула рукой, закурила и принялась молча смотреть, как Генчик тянет подпруги, — очки блестят, глаз не разглядеть. От этого было неуютно, но она ведь всегда орет. На заборе повисли оживленные туристы из полуночников. До конца второй поляны и обратно, сказал Генчик. Да иди ты, хотел ответить Санька, сам скачи, но вместо этого запрыгнул на Бобика, и тот заплясал и задергался, напуганный ночной кутерьмой.

Потом рассказывали, что они проскакали раза три или четыре. Этого Санька не помнил. Зато помнил, как Бобик, ошалевший вконец, принялся лупить задом, и Санька машинально повернул поперек поляны в горку, но Бобик горки будто и не заметил, подхватился и понес. Повод в руках вдруг оказался бесполезен, черная стена леса рванула в лицо, надо было падать, падать прямо сейчас, но он не мог себя заставить, не хотел, ничего больше не хотел, больше никаких забот, никаких напругов, ничего больше не важно, не решать, не думать, не остановиться

(взбесившаяся тьма хлещущие ветки пропитанный смертной тоской восторг ужас и сила взлететь на черных крыльях

освобождение

удар)

Пришлось скататься вниз, в больничку на рентген, — хорошо, Аркадьевна как раз спускала группу. Всего-то трещина в лодыжке. Тут главное было не думать, что еще могло случиться, но это было легко. Очень просто было ржать с пацанами: а я... а он... да как давай меня трепать, да ты бы тоже не удержал, подумаешь, за неделю заживет, ну нехилый мы кипеж навели, а. Но в поход он пойти не смог, вылетел из графика, Аркадьевне пришлось искать другого конюха, и теперь Санька старался не попадаться ей на глаза. И за меринами-то ехать никто не заставлял: другие конюха есть, с целыми ногами. И недовольство Аркадьевны терпеть нетрудно, а спрятаться от нее еще легче. Просто хотелось побыть одному; разговоры и ржач мешали. Хотелось остаться наедине. Санька не задумывался, с чем именно

(тьма летит в лицо
освобождение вот что это было освобождение)

Утро было серенькое, стертое, ни туда ни сюда: то ли затянет на трое суток, то ли выправится. И дальний, солннопечный склон урочища тоже был серый, плоско нависал над прижатой извилистым Кучындашем дорогой. Пахло мокрой травой, дымом с базы, навозом и бледными грибами из дальних закоулков пригона. Звоны боталушек на конских шеях соединяло шмелиное гудение мотора: припоздавший шестьдесят шестой поднимал туристов к Озерам.

— Хоп, — сказал Санька меринам. Прихрамывая, обошел сзади, и кони, мелко перебирая спутанными передними ногами, толкаясь и теснясь, послушно полезли в нешироко открытые ворота.

Гудение мотора превратилось в нарастающий рык, грузовик появился из-за деревьев и вдруг затормозил у брода напротив базы. Из набитого туристами кузова вылез какой-то мужик. Шестьдесят шестой попер дальше, а мужик принялся слепо тыкаться и мыкаться вдоль Кучындаша, прямо как панночка из кино. Санька аж засмотрелся. Мужик все бродил вдоль берега, тоскливо поглядывая за реку, на турбазу. Зрелище было и увлекательное, и раздражающее, и непонятно было, за что болеть: хотелось, чтобы мужик нашел уже наконец мост, и думалось в то же время, что пусть бы лучше оставался на том берегу.

Совсем, похоже, отчаявшись, мужик сунулся вброд: присел на берегу, разулся, шатко шагнул в ледяную бурливую воду, забоялся, вылез и тут же сунулся снова. Не сделав и трех шагов, качнулся под напором

воды. Еще утонет, с беспокойством подумал Санька, менты потом до осени не отстанут. Он свистнул — мерина в пригоне бросили лизать соль и заметались под оглушительный звон. Мужик поднял голову; до него было не докричаться, и Санька просто принялся тыкать рукой вверх по течению, где скрывался в густом черемошнике мост.

Все равно бы он его нашел, правильно?

Мужик скрылся из виду, и Санька спохватился. Прикрикнул на ползших уже обратно на поляну меринов, закрыл пригон. На базе зазвенел колокол — собирали народ на завтрак. Жрать хотелось страшно.

Конечно, ничего, кроме риса на молоке, туристам не приготовили, но была сметана и еще свежий хлеб. Санька, сглатывая слюну, побежал к себе за двумя последними помидорами (и чего не заказал еще, вчера же вниз ездили! Забыл). А когда вернулся, Панночка, одолевший путаницу мостов и тропок между дальними концами урочища, сидел на лавке у входа в дом и плакал.

Вблизи Панночка оказался мужиком лет сорока, высоким, сутулым и белобрысым, с мощными зальсынами и наметившимся брюхом. Одет он был совершенно по-городскому, как из тачки вылез. Руки белые и мягкие, словно ничего, кроме телефона, за всю жизнь не держали, а глаза в обрамлении белесых ресниц — красные, как у кролика. Слезы путались в рыжеватой щетине, и Панночка машинально размазывал их запястьем. Он не всхлипывал и вроде бы даже не понимал, что плачет, — как будто по его щекам текла вода.

Аркадьевна сидела рядом, и на ее лице стыла тень вежливой улыбки, улыбки-для-туристов. Аркадьевна курила, затягиваясь так, что кожа вокруг губ собиралась в мелкие складки, и, посмотрев на нее, Санька напрягся. И правда, чего он ревет-то?

(Он сидел на месте Панночки, блаженно лыбясь и покачиваясь, пока туристка-врач щупала и вертела его ступню, и не больно почти. Хорошие у нее таблетки, оставила бы чуток. Аркадьевна, уместившись на корточках напротив, балансировала рукой с дымящей сигаретой, а потом затянулась так, что ее рот превратился в трубочку. Санька ухмыльнулся ей и сказал: да нормально все; но губы не слушались, и получилось: да нырм вссс...)

На крыльце примостилась бочком Наташа, такая же древняя, как Аркадьевна, высушенная солнцем и работой, годами держащая базу в чистоте; рядом мялся надувшийся на что-то Генка. Тут же озабоченно терся Ленчик с пустым пакетом в руках. Морда у Ленчика была нарядная, с глубокой царапиной посреди багрового ожога под глазом — патрон, что ли, спяну в костер кинул. Из-под навеса доносились голоса и звон посуды: туристы, еще свеженькие, только вчера захавшие, уже собрались на завтрак. Аркадьевна иногда туда нервно поглядывала — понятно, скоро доедят и потянутся за разговорами. Похоже, показывать им Панночку она не хотела.

Про свой завтрак Санька сразу забыл.

— Чего это он? — тихонько спросил он у Ленчика.

— Говорит, девка у него пропала, — хмыкнул Ленчик. — Я вот за подковами пришел, заказывал, ко-

вать надо, а тут девка пропала, опять всей тайгой искать будем, помнишь, как с теми, ну, москвичами, которые у Ильи...

— На Озерах, что ли, пропала? — оборвал Санька.

— Говорит, у вас. Типа из похода не пришла, потерялась.

— Это как вообще? — опешил он.

— А я не знаю, как вы тут за туристами смотрите, что они у вас разбегаются, у меня вот была одна, я ей на третий раз говорю, я на тебя ботало повешу и спущаю, а она...

— Херня какая-то, — буркнул Санька. — Так не бывает.

— ...да точно говорю, она, наверное, внизу задержалась, — тихонько говорила Наташа. — В Чемале многие останавливаются, Катунь же, на Патмос сходить, за сувенирами там, а телефон, наверное, сдох... Точно! — она всплеснула руками. — В походе же телефон угробила. Знаете, сколько их по тайге валяется? В прошлом году у одной девчонки конь на айфон наступил — прямо здесь, на поляне, даже с базы выйти не успела.

Панночка всхлипнул и замотал головой, и Наташа вздохнула.

— Послушайте, — терпеливо сказала она, — такого просто не может быть, вы поймите, чтобы в группе потерялась туристка и никто этого не заметил.

Панночка снова затряс головой.

— Она где-то там, в горах, я знаю, — просипел он, — я просто знаю...

Вразвалку, важно подошел Костя. Его основательная кубическая фигура и загорелая до черноты, не

пробиваемо серьезная физиономия действовали на туристов безотказно. Панночка оживился и даже, кажется, перестал плакать.

— Чего звали-то? — недовольно спросил Костя, и Аркадьевна раздраженно отшвырнула окурочек в стоящую на крыльце пепельницу.

— Говорят, вы у меня уже туристок в тайге теряете, — сказала она, нервно усмехаясь.

Костя выпучил глаза:

— Каких туристок, ты чё гонишь, Аркадьевна?

— Как там ее... Ксюша? Настя?

— Ася, — сердито подсказал Панночка и с надеждой уставился на Костю мокрыми глазами. — Ну да, Настя. Анастасия Васнецова, ей тридцать шесть, такая невысокая, волосы до плеч прямые, коричневые такие... Да вот же! — он выхватил телефон и принялся в нем копать.

— Не было у меня никаких Ась, — отрезал Костя.

— Да вы же ни хрена туристов не помните, вас спроси, как кого зовут, вы никого не знаете! — взвилась Аркадьевна.

— Всё мы помним! — обиженно встрял Генка, и Санька чуть не хихикнул. Сам он больше трех-четырех самых заметных туристов запомнить не мог, да и не хотел — больно надо, — а остальных, как и все, различал по доставшимся им коням. Костя как-то хвастался, что помнит по именам не меньше половины группы, но Санька ему не верил.

— Вот! — Панночка выставил перед собой телефон, протянул Косте, потом Аркадьевне, снова Косте. Санька заглянул через его плечо. Лицо на экране показалось знакомым — но ничего живого за этим вос-

поминанием не нащупывалось, как будто он видел его только на другой фотографии или даже на картинке. На Санькин вкус девка была никакая, бледная и пацанистая, такую и правда не запомнишь. Но, наверное, что-то в ней есть, раз Панночка так убивается.

Аркадьевна вынула из его рук телефон, присмотрелась, покачала головой.

— Нет, не было у нас такой, — сказала она хмурясь. Ее голос вдруг зазвучал неуверенно: — Может... да нет, не было.

Это было странно — неуверенный голос у Аркадьевны. Такого Санька еще не слышал.

— Пожалуйста, — хрипло проговорил Панночка. — Я не буду жаловаться или в суд там подавать, ничего такого. — Ого, подумал Санька, уже ментами грозит, что ли. — Я просто хочу, чтобы она нашлась, чтобы с ней все нормально было. У меня вообще никаких претензий, только помогите... Пожалуйста, поверьте, она с вашей базы в поход пошла, я точно знаю.

— Да мы верим, — сочувственно ответила Наташа, — просто...

— Она на ком ехала? — деловито спросил Костя. — Аркадьевна, ты скажи, на ком она ходила, я тебе все вспомню. И вообще! — Он обмяк от облегчения. — Коней мы всех спустили, правильно?

— А правда, все же на месте, — поддержал Санька. — Оба косяка в походе, плюс Бурушка и Индеец с Татаринном, а остальные здесь — я только что собрал, двадцать шесть голов, хочешь, я тебе каждого...

Аркадьевна отмахнулась от него новой сигаретой, завела глаза и беззвучно пошевелила губами. Неохотно кивнула.